

Странная молодая ведьма, блондинка с очень длинными волосами, собранными за спиной в длинную толстую косу, шла по главной улице маленькой деревушки Оттери-Сент-Кэтчпол. На ней была надета светло-желтая футболка, выцветшие джинсовые шорты и красные кожаные ботинки с высоким голенищем. С ее мочек свисала пара черных серег в форме котлов, на ее запястьях было множество браслетов — они позвякивали, пока она шла; ее шею украшало ожерелье из пробки, которое много лет назад сделала для нее ее мать...

Казалось, она не замечала ни любопытных взглядов, ни неодобрительного бормотания жителей деревеньки, мимо которых проходила. Ее рассеянный взгляд и странно неторопливая походка были предметом перешептываний каждый раз, когда дочь эксцентричного затворника Ксенофилиуса Лавгуда гуляла по обычно унылому поселку.

Полумна свернула с главной улицы на грунтовую дорогу, которая вела к югу от Оттери-Сент-Кэтчпол. После того, как перешла через деревянный мост, миновав реку, она заметила, что деревья и кусты вдоль дороги, которая вилась между холмами, стали гораздо гуще. Через несколько минут она почувствовала, как ее буквально окружает искрящаяся магия; в этот момент она уже проходила через череду защитных заклинаний, окружавших «Нору». Сделав еще один поворот, она увидела амбар и сарай для метел, а через несколько шагов показался и ветхий дом.

Полумна бросила взгляд на участок земли, расположенный за фруктовым садом, где семья Уизли устроила импровизированное квиддичное поле, ожидая увидеть там тренирующуюся Джинни и, возможно, нескольких ее братьев...

Накануне она позаботилась о том, чтобы помочь Джинни потренироваться перед предстоящим квиддичным сезоном, если Хогвартс действительно откроется в следующем семестре... Несмотря на то, что ее навыки обращения с метлой оставляли желать лучшего, она согласилась помочь Джинни в надежде поговорить с ее братом Роном. Ей стало очень неприятно, когда она вспомнила то, что он показал ей на этой неделе несколькими днями ранее... В ее расфокусированных глазах неожиданно вспыхнула искра от воспоминаний о взглядах, которые Рон бросал на ее тело; и так же быстро они омрачились, когда она вспомнила формулу зелья, которую он ей показал....

Она выбросила эти мысли из головы, когда подошла к крыльцу. Полумна услышала тихие стоны, доносящиеся с одного из верхних этажей, и предположила, что кто-то, наверное, подключился к волшебной каминной сети... Она поднялась по ступенькам и постучала в дверь кухни. Через несколько мгновений, не дождавшись ответа, она со скрипом открыла дверь и заглянула внутрь.

Тарелки с остывшей едой все еще стояли на вычищенном дубовом столе, а в раковине было несколько кастрюль. Никого не увидев, она поднялась вверх по лестнице до двери комнаты Джинни. Она постучала в дверь и подождала, но ответа не последовало... Она положила руку на дверь и почувствовала легкую вибрацию. Предположив, что на дверь наложено заглушающее заклинание, она спустилась вниз по лестнице, вышла во двор и подошла к сараю для метел. Она взяла метлу, одну из старых «Падающих звезд», и грациозно взобралась на нее верхом, прежде чем скользнуть к окну спальни Джинни.

Полумна заглянула внутрь и увидела Джинни, свернувшуюся на кровати калачиком; она лежала, отвернувшись от окна. Полумна осторожно постучала в окно, но Джинни, видимо, не услышала. Тогда Полумна прижалась лбом к грязному стеклу, чтобы лучше видеть, что же происходит внутри. Она заметила, что Джинни дрожит и извивается на кровати. Она сунула пальцы под оконную створку, и как только оно открылось, ужасный пронзительный крик донесся до ее ушей изнутри комнаты... Полумна прижалась к метле, скользнула в комнату и спрыгнула. Ее обычное мечтательное выражение лица сразу же исчезло, когда она увидела красную, вспотевшую Джинни.

Рот Джинни застыл в протяжном стоне. Ее глаза были плотно зажмурены, но это не мешало слезам выступить из-под ее век... Кулаки Джинни были сжаты так сильно, что ногти впивались в ладони, и с ее рук стекала тоненькая струйка крови; на простыне образовалось уже довольно большое пятно, и Полумне стало понятно, что она находилась в этом положении уже довольно долго...

Придя в себя, Полумна попыталась открыть дверь, но, как она и подозревала, на ней было запирающее заклинание. После нескольких неожиданно безуспешных попыток разрушить его она снова взобралась на метлу, выскользнула из окна и вернулась на кухню. Оказавшись там, она схватила пригоршню пороха, бросила ее в камин и крикнула вспыхнувшему зеленому пламени:

— Министерство магии, мистер Уизли!

Несколько мгновений спустя в камине появилось лицо, но не то, которое она ожидала увидеть. Надменный протяжный голос ответил ей:

— Здравствуйте, я мистер Уизли, как я могу...

Выражение лица в камине сменилось с высокомерной усмешки до довольно неприятного хмурого взгляда, когда Перси узнал не только странную когтевранку, которую он смутно помнил по Хогвартсу, но и безошибочно определил место, где она находилась — кухня «Норы».

— Что ты хочешь?

Полумна сразу же узнала лицо бывшего брата Джинни. Надеясь, что он забудет все разногласия, которые у него были с семьей, ведь его сестра оказалась в беде, Полумна крикнула ему нехарактерным для нее паническим тоном:

— Пожалуйста, ты должен помочь! У Джинни проблемы, и я не знаю, что делать!

— Что ты имеешь в виду под словом «проблемы»? Если ее поймали за использованием магии несовершеннолетней, то я ничего не могу сделать, это ее собственная...

— Нет! — громко воскликнула Полумна. — С ней что-то не так, и здесь больше никого нет! Ты должен помочь! — Полумна посмотрела на Перси и, увидев его лицо, раздираемое сомнениями, сердито закричала: — Ради Мерлина, она твоя сестра!

Перси наконец поборол свои внутренние метания. Он мало что знал об этой странной когтевранке, но он помнил, что она всегда была невозмутима; раз уж она так сильно расстроилась, ситуация должна была быть действительно ужасной... Лицо Перси исчезло из огня, и мгновение спустя он вышел из зеленого пламени в кухню.

Перси огляделся, инстинктивно ожидая, что его мать сейчас ворвется в дверь и привяжет его к стулу, чтобы еще раз попытаться вразумить его; но он отбросил эту мысль, когда увидел взволнованное выражение лица Полумны.

— Где она?

Полумна направилась к лестнице, сказав:

— В своей спальне, но на дверь наложены заглушающее и запирающее заклинания... Мне пришлось воспользоваться метлой, чтобы забраться к ней в окно!

Перси за три прыжка поднялся по лестнице и остановился перед дверью Джинни. После нескольких неудачных попыток открыть дверь он торопливо взорвал ее заклинанием *Reducto* и бросился в комнату. Он лишь ненадолго остановился, когда услышал ужасные вопли Джинни; но быстро пришел в себя, схватил сестру на руки, и, бросившись в дверь, сказал:

— Больница Святого Мунго все еще закрыта для новых пациентов, я отвезу ее в Хогвартс.

Перси побежал вниз по лестнице, выскочил из дома, минуя анти-аппарационные чары, и с громким треском исчез.

Полумна спустилась по лестнице на кухню, взяла пригоршню летучего пороха и бросила ее в камин, громко крикнув:

— «Три метлы»!

В «Трех метлах» Полумна грациозно вышла из камина. Она улыбнулась и кивнула мадам Розмерте, прежде чем выйти из таверны на главную улицу Хогсмида. Полумна вздохнула, увидев вдалеке очертания замка, и начала свой долгий путь в Хогвартс.

А тем временем неуклюжая на вид крыса выскочила из теперь уже пустого дома и промчалась через сад и живую изгородь, пробираясь к лесу за пределами «Норы». Она бежала с очередным отчетом...

* * *

Через несколько часов Рон проснулся от собственного слишком громкого храпа. Он был полностью одет и лежал лицом вниз на своей кровати в спальне старосты; на наволочку уже натекла лужица слюны. Он приподнялся и положил недоеденный бутерброд, который все еще был в его руке, на тумбочку рядом с кроватью.

Первая мысль, которая пришла ему в голову, была о книге, которую они с Гермионой нашли сегодня днем, и о проблемах между Гарри и Гермионой, которые она вызывала... Теперь он был точно уверен, что его сестра действительно использовала это зелье; Рон также не сомневался, что она и понятия не имела о его истинном предназначении... Чем больше он об этом думал, тем больше злился...

Рон встал с кровати и вошел в гостиную. Он вспомнил, что Гермиона взяла книгу с собой в спальню. Он тихонько постучал в ее дверь и подождал несколько секунд. Гермиона говорила ему, что если ее не будет у себя, то она пойдет к Гарри, поэтому он тихонько приоткрыл дверь. В тусклом свете он увидел спящую Гермиону, укрытую простынями, и книгу, которую он искал, лежащую на ее тумбочке.

Он молча подошел и взял книгу. Прежде чем развернуться и уйти, он посмотрел на ее сонное лицо. Он никогда не видел у Гермионы такого печального выражения лица... Он даже заметил пятна от слез на ее подушке...

Даже с таким выражением лица, как сейчас, она была прекрасна, и он понял, почему она нравилась Гарри... Другие мальчики-гриффиндорцы всегда называли ее «обычной», «ничем не примечательной», а некоторые — даже еще более неприятными словами... Она не выглядела невзрачной, хотя, конечно, и не претендовала на роль модели на развороте «Плэйбоя»...

Он подумал, что даже когда у нее были кривые зубы, у нее был такой приятный, такой доброжелательный взгляд... Теперь же, когда он всерьез обратил на нее внимание, он понимал, почему Гарри находил ее такой привлекательной и почему она была идеальна для него... Гермиона подходила ему не только внешне, но и по характеру. Она прекрасно дополняла Гарри. Да и в целом они дополняли друг друга... Знания и мощь. Мудрость и сила. Дружелюбие и отвага.

Они действительно понимали друг друга так, как никто другой, и Рон знал, что между ними всегда была особая неосязаемая, невидимая связь.

Рон почувствовал, как у него защипало в глазах, и нахмурился; он заметил, как еще одна слеза упала из глаза спящей Гермионы на ее подушку... Это было чертовски несправедливо по

отношению к ним... Он молча упрекал себя за то, что вообще когда-то решил, что он может использовать Гермиону. Он позволил собственному чувству неполноценности затуманить разум... Она заслуживала кого-то, кто бы действительно любил ее, как Гарри. Да и в жизни Гарри было так мало того, что делало его по-настоящему счастливым; и один Мерлин знает, что если кто-то и заслуживал капельку счастья, то это точно был Гарри...

Рон поднял руку, чтобы вытереть свежую слезу, которая вот-вот должна была скатиться с ее щеки, но помедлил, прежде чем убрать руку... Вместо этого он прошептал ей:

— Прости...

Затем Рон повернулся и вышел из комнаты. Он нацарапал Гермионе записку, дав ей понять, что берет книгу и отправляется в «Нору», чтобы поговорить с сестрой. Он положил записку на стол и вышел из гостиной.

Рон проходил через знакомые залы и переходы к главному входу. Он уже спускался по лестнице в холл, когда заметил, как Гарри выходит из Большого зала с плачущей Котоне на руках. Он был шокирован, увидев, что кожа обезумевшей от страха маленькой девочки была намного бледнее, чем обычно... Он заставил себя сохранять спокойствие, когда Котоне повернула к нему свое обезумевшее от горя, но все же пугающее лицо. Рон неожиданно осознал, что это всего лишь испуганная маленькая девочка, рыдающая на руках у Гарри...

— Эй, Гарри? Что с ней произошло? — спросил Рон; ему стало неуютно и как-то не по себе из-за горя Котоне.

— Мы приехали сюда, потому что так и не добрались до Министерства, Котоне была ранена по дороге туда...

— На вас напали? — обеспокоенно спросил Рон, недоумевая, почему же они ему сразу не сказали, что на них напали.

— Ну, не совсем так... Волдеморт решил напомнить мне о себе... У меня очень сильно заболел шрам, — продолжил Гарри с каменным лицом. — Наверное, Котоне пыталась мне помочь, но Гермионе показалось, что та нападала на меня, поэтому Гермиона оглушила ее. Мы не уверены, что конкретно причинило ей боль — заклинание оглушения или то, что она делала со мной....

Пока он говорил, Рон заметил, что Гарри был... Гарри.

— Почему ты больше не профессор Бак? Ты передумал?

— Наверное, иллюзия спала... Я поговорю об этом с МакГонагалл позже, — затем Гарри заметил в руке у Рона книгу и спросил: — Что это?

Рон взглянул на книгу, затем снова на Гарри и нахмурился... Он решил, что сейчас самое подходящее время, чтобы рассказать Гарри о том, что они недавно узнали.

— Нам нужно поговорить, приятель. Давай поднимемся в твою комнату, чтобы нам никто не мешал...

Они вернулись на первый этаж и вошли в комнату Гарри. Рон тяжело плюхнулся на диван, а Гарри пошел укладывать Котоне в своей спальне. После долгих заверений, что он просто побудет в соседней комнате и ни за что не оставит ее одну, Котоне позволила Гарри уложить себя в кровать.

Гарри вернулся в гостиную и сел рядом с Роном.

— Ну, рассказывай, что случилось?

Рон молча смотрел на книгу в руках, пытаясь найти правильные слова, чтобы все рассказать Гарри... После очень долгой паузы он наконец-то спросил:

— Что ты чувствуешь к Гермионе?

Гарри мысленно застонал. Он ожидал, что Рон когда-нибудь поднимет эту тему, но совершенно не ожидал, что это случится прямо сейчас. Он предположил, что Гермиона рассказала ему о том, как он пытался... как он ее поцеловал и как грустно все закончилось... Он инстинктивно потер синяк на затылке и несколько секунд рассеянно оглядывал комнату, прежде чем ответить:

— Я ждал, что ты спросишь меня об этом.... Она прекрасная девушка, Рон. Вы оба мои лучшие друзья, наверное, мои единственные настоящие друзья. Я думаю, вам двоим будет здорово вместе...

Глаза Рона широко раскрылись — он совсем не ожидал такого ответа. Возникла пауза, но затем он продолжил:

— Ну, хорошо, а что ты думаешь о моей сестре?

Гарри пытался сохранить спокойное выражение лица, но оно исчезло буквально в долю секунды, прежде чем он ответил:

— И она тоже прекрасная девушка. Надеюсь, я еще буду рядом, когда сбудется это пророчество... Может быть, мы сможем начать все сначала...

Вот и наступило время задать вопрос, который Рон совсем не хотел задавать:

— И на чем же вы остановились?

Гарри задумчиво нахмурил брови.

— Что ты имеешь в виду?

Уши Рона стали того же оттенка, что и его волосы. Он взглянул на книгу, а затем заглянул прямо в глаза Гарри.

— Мне очень нужно знать, Гарри. Как далеко ты зашел с Джинни?

Теперь уже лицо Гарри покраснело от смущения.

— Ну... Мы поцеловались несколько раз, в основном мы просто гуляли друг с другом... Я имею в виду, я никогда... Ну ты знаешь...

— Нет, я не знаю, — Рон почувствовал, как он закипает, но продолжил: — Но, как я уже сказал, мне нужно знать, как далеко ты с ней зашел... Ты хоть целовал ее с языком, ну, и все такое?

— Нет! — закричал Гарри, вскакивая с дивана. Он стал нервно расхаживать между диваном и камином.

Рон почувствовал, как у него отлегло от сердца; он удивленно приподнял брови и просто спросил:

— Никогда?

— Конечно, нет! Почему ты вообще подумал, что я когда-нибудь... — Гарри остановился, и на его лице появилось смущенное выражение.

Рон, почувствовав себя гораздо увереннее, спросил:

— Ты когда-нибудь касался ее груди?

— НЕТ! — крикнул Гарри с выражением отвращения на лице. — Как ты вообще мог подумать об этом! Я бы никогда с ней так не поступил!

Последовала долгая пауза, прежде чем Гарри нерешительно спросил:

— Ты... А ты когда-нибудь прикасался к груди Лаванды, когда был с ней?

Рон не знал, испытывать ли ему облегчение от того, что Гарри никогда не приставал к его сестре, или злиться, потому что теперь он был уверен наверняка, что Джинни точно использовала зелье.

— Я знаю, что парень не должен сначала целовать девушку, а потом трепаться об этом, но да, было... Я трогал ее под лифчиком... Она даже несколько раз позволила мне их поцеловать!

У Гарри все еще было смущенное выражение лица, когда он снова остановился, повернулся к Рону и решительно спросил:

— А как насчет Гермионы? Ее ты тоже лапал?

— Нет, приятель, такого не было, — сказал Рон с оттенком печали в голосе, — я однажды попытался, давным-давно, но она так рассердилась на меня! Она не из таких, понимаешь? Чтоб ты знал — я не собираюсь с ней встречаться... Мы вроде как пытались, но мы не подходим друг другу, если ты понимаешь, о чем я... Я думаю, что у меня что-то может получиться с Полу... С кем-то другим, но точно не с ней.

Гарри, похоже, не слушал все то, что Рон сказал после слова «нет». Он вспомнил тот день, когда они с Джинни были одни в пустом классе...

Джинни сидела на столе и выглядела просто потрясающе. Когда он пришел, у нее на рубашке были расстегнуты три верхние пуговицы. Он стоял у стола и обнимал ее. Он занервничал, когда она скользнула вперед по столу и обвила ногами его спину. Она взяла его руки и переместила их к себе на талию под рубашку, когда они наконец поцеловались. Он вспомнил тошнотворное чувство, которое он испытал, когда она прикасалась к его губам, пока длился их поцелуй... Он смутно понимал, что она ожидала, что он откроет рот. Но Гарри этого не сделал. Он неоднократно отрывал свои руки от ее обнаженной талии, но она снова и снова клала их обратно... Он почувствовал, как в животе нарастает тошнота. Гарри отстранился от нее, быстро чмокнул и выбежал из класса, извиняясь за то, что забыл об эссе по трансфигурации, которое нужно написать к утру...

Тогда он решил, что это тошнотворное чувство и было любовью... Он спросил сам себя болезненным шепотом:

— Да что со мной не так? Она практически умоляла меня сделать это...

Но ничего подобного, никакой тошноты он совершенно не ощутил перед поцелуем с Гермионой... Он смутно помнил те эмоции, которые испытывал в то мгновение... Он знал, что

если бы Гермиона с его руками сделала то же, что делала Джинни, он был бы готов под толстовкой ласкать все ее тело... Неистовое желание, которое он почувствовал в тот момент, было таким сильным, таким подавляющим... а после — ничего...

Гарри недоуменно посмотрел на Рона и задыхающимся шепотом спросил:

— Почему я не смог этого сделать?

— Я думаю, это ответит на твой вопрос, — сказал Рон, вставая и вытаскивая палочку. Одним взмахом он зажег свечи на письменном столе, подходя к нему поближе. Затем он смахнул со стола груды пыльного пергамента — эссе, написанные в прошлом семестре, положил на стол книгу, раскрыл ее в том месте, где была вырвана страница. Жестом он пригласил Гарри сесть...

Когда Гарри сел и начал читать, Рон начал объяснять:

— Видишь эту вырванную страницу? Я нашел эту книгу в комнате Джинни вместе с пустым стеклянным флаконом... Мы с Гермионой считаем, что она готовила это зелье в течение последних двух лет. Мы думаем, что...

Речь Рона прервал сильный стук в дверь. Он прошел через комнату к двери, пока Гарри читал. Когда он открыл дверь, на пороге стояла крайне взволнованная Гермиона.

— Рон! Слава Мерлину, что ты здесь! Я получила твою записку и думала, что ты уже ушел!

— По пути к выходу я столкнулся с Гарри... Я решил, что сейчас самое подходящее время, чтобы показать ему книгу.

— Сейчас как раз не самый подходящий момент... Джинни только что доставили в Больничное крыло. Я мало что знаю, но из того, что я слышала — она находилась в своей комнате и наложила на дверь заглушающее и запирающее заклинания. Когда они, наконец, смогли к ней попасть, они обнаружили, что Джинни лежит на кровати, плачет, и у нее самая настоящая истерика...

Рон не стал терять времени зря... Он прошел мимо Гермионы и стремительно побежал по коридору к лестнице. Гермиона заглянула в комнату и увидела, что Гарри все еще сидит и изучает книгу, лежащую на его столе.

— Гарри? — спросила Гермиона. — Ты идешь?

Гарри молча кивнул головой. Гермиона прошла через комнату и встала позади него.

— Ты в порядке?

— Это была ты, — сказал он монотонным шепотом, — это была ты — все это время... Я знал это.

— Что? — ахнула Гермиона: — Нет, Гарри! Я бы никогда не посмела сделать с тобой что-то подобное! Это не моя работа! Ты читал это, не так ли?

Она почувствовала, как ее охватывает отчаяние, от паники у нее начала кружиться голова.

— Нет, я не об этом, — его голос казался ровным, почти мертвым. — Когда ты помогала мне спасти Сириуса... Это началось тогда... нет, еще до этого... Это началось, когда я увидел, что ты окаменела. Я так боялся за тебя, так волновался, что физически себя плохо чувствовал... Как я мог про это забыть? Я знал, что тогда что-то происходило, но я и понятия не имел, что это было... Я никогда не чувствовал раньше ничего подобного. А потом был год Турнира... Ты была единственной, кто тогда не отвернулся от меня. Ты единственная мне поверила; даже Рон не поверил. Сначала и Дамблдор мне не поверил. Именно тогда я это понял.

Гермиона почувствовала, как по ее лицу текут слезы... Она не совсем понимала, что он пытается сказать, но боялась, что он сейчас остановится...

Гарри продолжил тем же болезненным тоном, его голос местами дрожал.

— Кто бы мог подумать, что эта Скитер все поймет? Я собирался поговорить с тобой после Турнира, неважно — выиграл бы я или проиграл, я хотел сказать тебе... но... Но когда был убит Седрик, а потом еще и Волдеморт вернулся, последнее, о чем я тогда думал, это кому-то что-то рассказывать... — Гарри глубоко вздохнул, прежде чем продолжить: — Ты же помнишь то лето, да? Никто мне не писал... Я вообще не мог получить никакой информации. Потом мне рассказали, что ты проводишь время с Роном... Я решил, что я упустил свой шанс... К тому времени, когда мне разрешили поехать на площадь Гриммаулд-Плейс, я злился на себя больше, чем кто-либо, за то, что не понял этого раньше. Вот что тогда было. Тем летом что-то произошло... Именно тогда все начало меняться — и в тебе, и во мне, но я ничего не мог с этим поделать... С того лета и до конца этого семестра все становилось все хуже и хуже. Я не слушал тебя, ты не слушала меня, и я совершенно забыл о том, что дал самому себе слово еще во время Турнира. Я пообещал себе, что скажу тебе, что люблю тебя!

У Гермионы было отстраненное выражение лица, когда она хрипло прошептала:

— То есть то, что ты сказал в поезде, было правдой? Ты действительно меня любишь?

Когда он наконец оторвался от книги и повернулся к ней лицом, она была поражена — на его щеках были дорожки от слез.... Он кивнул и сказал тихим шепотом:

— Теперь все кончено. Слишком поздно... Я проиграл. Дамблдор сказал мне, что моя сила, с помощью которой я смогу победить Волдеморта — это любовь, и я потерял ее...

— Гарри, ты должен мне поверить, — умоляла Гермиона, — есть шанс... Есть надежда. Это зелье, которое сделала Джинни, не предназначено для полукровок, и оно должно работать только между родителем и ребенком. Она должна была использовать его только один раз, но Рон говорит, что у нее больше нет эликсира — она, наверное, практически купалась в нем... В книге говорится, что для того, чтобы результат ритуала стал постоянным, ей нужно было использовать зелье повторно через тридцать часов после того, когда мы впервые поцеловались. А это было четыре часа назад... Она делала все неправильно с самого начала, поэтому я сделаю все возможное, чтобы изменить то, что натворило это «зелье»... для нас с тобой...

Гермиона наклонилась к нему, закрыла книгу и взяла ее со стола.

— Я собираюсь сходить в переулок Святого Иосифа и купить для нас сменную одежду и кое-что еще... Мне на это понадобится примерно час; когда я вернусь, то буду в своей комнате. Я собираюсь поработать над преобразованием арифмантической формулы к этому «эликсиру». Теперь, когда я больше знаю о том, какова его истинная цель, мне будет гораздо проще это сделать. Если ты чувствуешь то же самое, что и я, приходи ко мне, если захочешь поговорить. Я пойму, если ты не придешь, но... Ну, в общем, ты знаешь, где меня найти.

Гарри смотрел, как Гермиона сунула книгу под мышку и вышла из комнаты. Он услышал шарканье маленьких ножек с другой стороны комнаты; и тихий, но рычащий голос заговорил с ним.

— Шиши-сама, что случилось с твоей Ваши-чан? Я не вижу вашей гойцу (1), что случилось с баго (2) между вами?

Гарри все так же рассеянно смотрел на дверь, лишь вполуха прислушиваясь к маленькой ведьме.

— Что? Что ты сказала?

Когда Котоне подошла к нему, она посмотрела в лицо Гарри и увидела его потухший обеспокоенный взгляд; он просто стоял и тупо смотрел на дверь... Она расслабила свой разум и позволила открыться своему внутреннему зору. Она увидела львиноподобную ауру Гарри, но сегодня она была непривычно бледной и потускневшей... Она заметила потрепанный конец рваной световой ленты, свисающей с его груди — это были остатки связи, придававшей его льву силу... Она увидела тонкую серебристую нить, которую Котоне сама протянула между ними, чтобы быть уверенной, что она сможет ему помочь в случае необходимости... Еще Котоне увидела змею, состоящую из черного дыма, извивающуюся вокруг него; ее черные клыки глубоко вонзились в плечо Гарри. Глаза змеи тлели, как кусочки горящего угля, она угрожающе смотрела на Котоне. Она понимала, что ничего не сможет сделать со змеей, хотя бы потому, что она не понимала до конца, что это вообще такое... Котоне была еще слишком молода и не настолько искусна в магии души.

Она не заметила лишь одну вещь — от Гарри к потолку тянулась черная нить паутины.

— Шиши-сан? — сказала она вслух.

Гарри оторвал взгляд от двери, через которую выходила Гермиона, и повернулся к Котоне. Когда их глаза встретились, его охватило это странно знакомое чувство замедления времени... Окружающий его мир исчез из поля зрения Гарри, когда он услышал приятный мелодичный голос, доносившийся до его разума:

«Что случилось со связью, гармонией? Почему Ваши больше не привязана к Шиши?»

Гарри мысленно вздохнул:

«Это то, что мы пытаемся выяснить, малышка... Кажется, девушка, которой я нравлюсь, хотела, чтобы она мне тоже нравилась... Она попробовала наложить заклинание, о котором ничего толком не знала. Мы считаем, что она подумала, что это зелье, заставляющее меня полюбить ее, а не Гермиону. Кажется, что оно наполовину сработало...»

«Ваши читала эту книгу? Книга поможет Ваши-чан все понять, должна помочь», — тихо сказала Котоне.

«Книгу, которую ты нам дала? Мы пока еще не смогли ее перевести...»

«Это очень важно... Чтобы помочь тебе, ей нужно понять книгу».

На этом Котоне прервала их связь и протянула к Гарри руки. Он поднял ее и посадил к себе на колени, где она немедленно обернулась вокруг него и хвостом, и своими локонами, как будто она пыталась обнять его всем телом...

— Я так сочувствую твоей печали, Шиши-кун, — сказала Котоне, зевая, прижавшись к его груди, — я чем смогу помогу тебе и твоей подруге.

Мгновение спустя Гарри почувствовал, как тело Котоне расслабилось и она уснула. Гарри бросил на дверь грустный взгляд, держа на руках маленькую спящую ведьму, гадая, вернет ли он когда-то свое единственное настоящее оружие против Волдеморта.

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3818737>